

Тщета философии

Почти всё на свете можно оценить с позиции пользы и вреда, которые оно приносит. Что-то практично, другое – нет, и это как имеет прок, так и причиняет ущерб, и есть весь спектр или континуум от одного полюса к противоположному. Имеется и такое, что вроде бы нейтрально в этом диапазоне или чему сложно назвать цену в подобных терминах, а также нечто двойной принадлежности, но так или иначе эта шкала кажется универсальной, потому что именно через её призму мы привыкли смотреть на мир. Тем не менее, не всё так однозначно.

Вопрос не в том – в нём тоже, но это неразрешимая дилемма – какие критерии мы применяем при внесении чего-либо в эти списки. Хотя, как и любые, они относительно произвольны и контекстны, в каждый данный момент времени и при этих обстоятельствах наши суждения обычно не вызывают сомнения, и даже если мы и не соглашаемся, то компромисс найти нетрудно, особенно в сущностном наполнении самого этого различения. Никто не спорит с тем, что порой возникают сложности, но они апеллируют по большей части к техническим деталям, а не к самим принципам, которые обычно незыблемы.

Нет проблем и с тем, что нечто обнаруживается за этим узким коридором. Если что-то не попадает в него, то оно получает приют в каком-то ещё, и в таком случае всем назначается какая-то позиция, вне зависимости от того, какая конкретно гамма имеется в виду. Классы и страты бывают разными, но это не отменяет того, что всё находит себе место в какой-то группе – или сразу в нескольких – что вполне логично, учитывая то, что мы везде ищем подобия и тождества.

Пусть в быту мы с этим и не сталкиваемся – потому что он целиком состоит из расфасованных таким образом вещей и явлений – но существуют феномены, которые чрезвычайно нелегко наделить каким-либо эпитетом. Они просто даны нам – или нами найдены и очерчены – а если мы и пытаемся что-то о них сказать, то они не поддаются прилагаемым к ним процедурам систематизации и, как следствие, выпадают из неё без надежды на то, чтобы быть в неё включёнными.

Это очень похоже на то, как настоящий учёный должен смотреть на предмет своего интереса. Если ему или ей что-то в этой картине не нравится, то с этим нужно смириться, потому что реальность устроена так, а не иначе. Разумеется, всегда есть возможность интерпретации и оценки, но если мы будем достаточно честны, то никакой роли они не играют, а материя всегда остаётся такой, какой мы её и наблюдаем – в меру, естественно, своих сил и способностей.

Социальные науки в этом плане контрастируют с более точными. Нет никакого императива в том, чтобы, скажем, было четыре фундаментальных типа взаимодействий, а не больше или меньше, но далеко не очевидно, что мы обязаны принять бедность или страдания – как бы те ни определялись – всего лишь оттого, что они нами фиксируются. Беспристрастно описывать боль и мучения – как счастье и радость – довольно неудобно, что и заставляет нас анализировать их в довольно субъективных категориях, тем более что там они и обнаруживаются.

Как бы то ни было, но и тут нет ничего экстраординарного в том, чтобы смотреть на вещи нейтрально. Каков бы ни был наш взгляд, но под ним всегда имеются довольно чёткие физические леса, а если мы как-то и именуем их или то, что они вызывают – это наш выбор, который, кстати, тоже является порождением биохимических структур. Да, какие-то мы предпочитаем, а прочих пытаемся избежать, но это само по себе ни о чём не говорит. Мир такой, и это надо понимать.

Всё это указывает на то, что есть вещи, к которым стандарты пользы и вреда не применимы, а если к ним и прикладываются, то амбивалентно и по нашей прихоти. Вероятно, нам и было бы комфортнее, если бы сил было больше – или меньше – четырёх, и мы бы из этого что-то извлекли, но не в нашей компетенции желать чего-то в этом духе,

ведь от наших устремлений в этом поле ничего не зависит. Никто ничего не увеличит и не сократит, и всё это никуда не денется.

Несколько иная – но смежная – ситуация складывается и по поводу философии. Если так позволительно выразиться, то она находится вне этого вечного водораздела добра и зла, и если мы попытаемся выяснить, что она нам всё-таки приносит, то мы окажемся ни с чем. Эта терминология не годится для того, чтобы оценивать её, а если и что-то даёт, то в высшей степени вульгарное и топорное, а, кроме того, надуманное, потому что привычные нам по повседневности категории банально не соответствуют тому, чем они манипулируют. Попробуем разобраться, так ли это или нет, и что если не прок и его антипод она нам дарит, но вначале о том, чем же она является.

Есть три домена нашей занятости, которые больше всего её напоминают. Первый – это наука. Её суть состоит в том, чтобы указывать нам на то, как здесь всё устроено в максимально рассудочной манере. Второй – это искусство. Оно, напротив, апеллирует почти исключительно к чувствам и описывает мир через эмоциональную призму. Наконец, третий – это отвлечённые рассуждения о реальности, которые ни к чему особо не ведут, но которые ценны самим фактом своего наличия и развёртывания – по крайней мере, для вовлечённых сторон.

Если философия – это наука, то явно ущербная и неубедительная. Да, она может служить в качестве её эпистемологии, некоей институциональной рамкой познания, но на самом деле все дисциплины прекрасно справляются и без неё, а если у неё что-то и заимствуют, то без прямого к ней обращения. Даже будучи признанной академическим сообществом она чрезвычайно плохо с ним ладит, ведь быть чем-то предельно всеохватным – это значит быть ничем.

Что касается искусства, то и в этой роли она сомнительна. Никто не спорит с тем, что нужен некоторый талант, чтобы создавать читаемые тексты и правильно излагать свои мысли, но эти умения не специфичны только для неё, и оттого она сильно уступает в этом обычным художественным произведениям. Кроме того, это довольно тяжёлая литература, что автоматически уменьшает её аудиторию по сравнению с более лёгкой беллетристикой – в буквальном её переводе.

В третьей своей ипостаси она знакома каждому, кто хотя бы раз пытался думать отстранённо и на самые общие темы. Собственно говоря, обычно именно этим её и считают. В таком случае мы все в той или иной степени философы, а профессионалы – это те, кто делает это на постоянной основе – и в идеале получает за это деньги. Это определение и вправду близко к тому, что требуется, так что примем его за рабочее. Но зачем нам это нужно?

Если речь идёт об утилитарной подоплёке этих трёх взглядов, то складывается следующая ситуация. Наука полезна тем, что она объясняет нам, как устроен мир, без привлечения сюда каких бы то ни было переживаний. Пусть её истина и не абсолютна – из-за того, что её агентом выступает человек несовершенный – но она применима в огромном числе техник, и это то, что и наделяет её колоссальной мощью. Если мы знаем, как тут всё работает, мы в состоянии эксплуатировать это, а то и изменить всё к лучшему, и это великолепно.

Искусство хорошо тем, что оно вызывает в нас какие-то чувства. Вне зависимости от того, какие они конкретно – т.е. положительные или отрицательные – оно затрагивает что-то в нашей душе, и это резонирует в нас – если, конечно, всё выполнено на высоком уровне – с чем-то важным в этой сфере нашего бытия. Прок здесь в том, чтобы испытывать и содрогаться, без чего всё было бы пресно и скучно, но почти так всё и обстоит с предметом нашего интереса. Если оно и тревожит, то сугубо ментально, а это не то, что ждут от подобного начинания.

Из всего перечисленного наименее очевидны с точки зрения какой-то прибыли досужие беседы по далёким вопросам. Безусловно, мы способны отыскать в них какие-то корыстные мотивы – вроде траты времени или запудривания мозгов – но в остальном они

их лишены, а осуществляются чуть ли не исключительно потому, что того хочется собеседникам. Специалисты в этой области знания тоже необходимы – например, для создания идеологий или повестки дня – но их вклад в нашу копилку благ если и не минимален, то с трудом верифицируем и никак не бросается в глаза. Тем не менее, мы все порой не прочь что-то такое попрактиковать, и потому это так по-человечески – но с выгодой при этом никак не связано.

Есть ещё один важный момент. И наука, и искусство хотя бы потенциально могут что-то преобразовать – и зачастую этим и занимаются. Никто не отрицает того, что, скажем, астробиология пока вряд ли применима как некое практическое знание, но существует надежда – или опасение, смотря как к этому относиться – что однажды она перестанет быть чем-то умозрительным – она и сегодня не такова, в земных условиях в ней тоже наблюдается прок – и превратится в нечто прикладное. Художественные произведения, если они действительно чего-то стоят, тем более сразу же что-то вызывают, и это определённо сказывается на том, в каком мире мы живём.

В отличие от них философия – или пока отвлечённые рассуждения – тотально бесплодна. Т.е., конечно, она иногда на что-то влияет и как-то проявляется наружу, но проблема в том, что её чрезвычайно сложно исповедовать меркантилистки. Она либо приходит сама – и течёт без принуждения – либо насаживается из-под палки, но в том и соль, что последнее никак не способствует её развитию как на индивидуальном уровне, так и на более высоком, но лишь препятствует тому.

Т.е. если в ней и упражняются, то без какой-то оглядки на то, что она приносит, а просто по велению сердца. По сути, она разворачивается органически, а не по расчёту, исключительно из-за того, что так это реализуется. Понятно, что сюда нетрудно присовокупить что-то эгоистичное, но оно навсегда останется чем-то посторонним, чуждым этому стремлению, и мы мгновенно заметим, если в ней присутствует нечто искусственное.

Казалось бы, это должно означать, что польза от неё в самом её наличии. Если у нас есть какая-то потребность в таких рассуждениях, то мы выполняем её, и это достаточное обоснование для всего этого. Как и с прочими нуждами, мы лишь внемлем своему телу – или разуму – и покорно подчиняемся тому, что нам диктуют. Всё это было бы верно, если бы не интеллигибельный характер данного предприятия, что, кстати, и рознит её с тем, что делают непосвящённые. В чем тут загвоздка?

Никто не спорит с тем, что по принуждению редко получается что-то достойное нашего внимания. Тем не менее, философствование – это всё-таки некоторое насилие над собой. Дело даже не в том, что кто-то заставляет себя о чём-то думать, но в том, что как угодно размышлять тут нельзя. Человек с улицы не следует никаким нормам, но эксперт их соблюдает, ведь вне их его или её нет.

Если уж говорить об удовольствии, то оно в ней весьма сомнительно. Хотя об этом речь далее, надо заметить, что она представляет собой скорее тяжкий крест, чем что-то лёгкое и беззаботное. Столько энергии и времени принесли бы куда больше результатов, если бы их посвящали чему-то более приземлённому, так что специалисты вынуждены напрягаться и даже страдать, а это не то, что стоило бы ждать от действительно приятного. Впрочем, это не всё, но об этом ниже.

Как бы то ни было, но этот поток весьма слабо регламентируется. Чистое познание – это привилегия, а не право, и если нам даруется такая возможность – и это не упоминая способностей – то этим надо наслаждаться без привязки к тому, выгодно это или нет. Сам факт того, что мы пребываем в нём, ценен без отсылки к каким-либо ориентирам и лекалам, а, кроме того, процесс зачастую важнее конечного результата, которого к тому же в философии нет в принципе. Как не раз отмечалось, критично задавать вопросы, а не получать ответы, и это как раз то, чем и занимаются профессионалы – и не только они.

Всё это замечательно, но это никак не решает проблемы с пользой, а точнее с неприменимостью этой категории к предмету нашего тут интереса. Наоборот, по всей

видимости она присутствует, пусть и не совсем очевидная, но её вроде бы можно вписать в единый свод правил, как бы далеко на периферии она ни расположилась. Увы или к счастью, но это ложное впечатление, и чтобы продемонстрировать это одна не столь и надуманная иллюстрация.

Представим себе, что у нас есть философ, который неизвестен, невлиятелен, небогат и вынужден непрофильно работать для того, чтобы банально выживать. Допустим, далее, что ничего в его персональной судьбе не меняется, и он умирает без какого бы то ни было признания, но оставляет после себя свои рукописи. Если усилить этот пример, то последние однажды сгорают, и мир так никогда и не узнаёт о том, что был такой человек. Если не финишная деталь, то здесь никакой надежды вроде бы нет, но и без неё ради любопытства мы должны озаботиться тем, что движет этим мыслителем, если, разумеется, он не мечтает – и снова постулируем, что так всё и обстоит – о славе, почестях, лаврах – а то и деньгах, мало ли. Что заставляет его выделять своё скудное свободное время на явно непроизводительную деятельность, у которой к тому же почти нет никаких шансов на успех – и, кстати, он не обязательно к нему стремится, это важная поправка – как бы тот ни понимался?

Конечно, многое зависит от таланта и дарований этого индивида. Если он достаточно честен с самим собой, то он довольно быстро осознает, занят ли он чем-то достойным того или нет, и если он всё-таки решит, что ничего не проходит зря, то его мотивация и вправду не совсем прозрачна, особенно если он ничего и не хочет от окружающих. Если в этом полотне нет амбиций, что не совсем ясно, зачем он трудится, и это как раз то, что нас интересует больше всего.

На самом деле это не столь дикое предположение и допущения, как кажется на первый взгляд. Многие из нас посвящают себя чему-то, что вряд ли грозит обернуться чем-то великим – или так это не мыслится – но в том и загвоздка, что это нам весьма дорого стоит, ведь мы тратим свой досуг на то, что как будто и ни к чему. Если вспомнить об альтернативах – скажем, семье, тех же деньгах, заработком привилегий и т.д. – то и вовсе всё смотрится странно, и это нуждается в каком-то оправдании.

Было бы несколько неправильно отрицать желание признания. Любой творец если и не вожделеет, то хотя бы не отвергает такую перспективу – в конце концов, это приятно – и отчасти это и подталкивает его или её к жертвам. Однако куда существеннее то, что они делают, т.е. сам их продукт, и судя по всему в нём, а не в чём-то другом и кроется разгадка этой – не такой уж и сложной, надо в этом признаться – мистерии. В чём же она состоит?

Если на конвейере, коим выступает чуть ли не всё в нашей жизни, любой из нас превращается в шестерёнку, которая легко изымается из всего этого гигантского аппарата, то в некоторых закоулках нашего бытия встречаются области, свободные от этой логики. Нам вроде бы всем известны такие домены – только не следует избыточно возвышать личностные отношения – однако на поверку далеко не все мы с ними знакомы, и куда меньшее число в них обитает. Что же они собой представляют и что их наполняет?

Если вкратце, то это то, что никто иной выполнить – заметить, повторить, трансформировать, интерпретировать и т.д. – не в состоянии. Если кто-то слышит музыку сфер, то изложить её нотами способен исключительно он или она – у другого бы вышло что-то ещё. Если некто видит пейзаж, то изобразить его именно таким может лишь он или она. Если же некий философ замечает какие-то скрытые до того структуры и прорехи в этом мире, то нет никого, кто бы тоже их обнаружил.

Это роднит наш объект исследования с искусством – но до определённой степени. Даже один и тот же художник не нарисует то же самое одинаково – скажем, П. Пикассо написал не одну картину с подсолнухами. То же и с практикующими рефлексией. Весьма сомнительно, чтобы, например, Ф. Ницше был бы воспроизводим, а потому если бы он не работал, чтобы изложить свои мысли, то никому это не было бы под силу, сколь бы близкими по содержанию ни были их произведения.

По сути, такой труд уникален. Если нечто и копируется, то весьма приблизительно, и обладатель дара прекрасно об этом осведомлён. Это и заставляет его или её испытывать, преодолевать, а то и устраивать себе неудобства и трудности, потому что иначе ничего не получится. Т.е., конечно, кто-то другой бы, вероятно, выступил бы не хуже – и качественно, и количественно – но именно такая продукция бы была навеки потеряна для всех нас.

Соль в том, что она чрезвычайно сложно калькируется. Если те же живописные полотна поддаются фальсификации и подделке – по крайней мере, специалист это распознает – то с операми и тем более с художественными произведениями представить себе такое нереально. Если же говорить о наполнении, то повтор – это нечто из области фантастики, как и в случае с обезьянами, случайно стучащими по клавиатуре с целью переписывания какого-нибудь сонета У. Шекспира. Т.е. пытаться попасть пальцем в небо сродни вере в чудо, и это то, что и отличает мыслителя от любого художника.

Это не означает того, что они смотрят на свою деятельность в таком ключе. Даже если нечто подобное и наблюдается, то это происходит скорее неосознанно, а тяга к работе обуславливается некоторым наитием, но не ясным пониманием ситуации, сколь бы ни была рассудочной такая активность. Больше так никто не скажет, и это достаточная мотивация для того, чтобы продолжать вопреки всем препятствиям и помехам – а то и благодаря им.

Нельзя при этом не подчеркнуть, что это заодно размежывает философию с наукой. В последней, напротив, открытия нередко бывают параллельными и одновременными, и нужно успеть застолбить за собой право быть первым – что порой выливается в не очень красивые истории, особенно с наследниками, последователями и признанием заслуг. В свою очередь за этим никто не гонится в интересующей нас дисциплине – но тогда она перестаёт ею быть – и было бы как-то наивно считать, что некто в ней стремится утвердить своё лидерство. Там просто пишут, и если некто не удосуживается напрячься, то никто и никогда больше этого не повторит, как бы кто ни подражал стилю, манере подачи, оборотам, паттернам, не говоря уже о самой начинке. Более того, и сам автор не сумеет репродуцировать себя буквально спустя мгновение, что ещё больше добавляет к его или её единственности.

В этом плане вся эта деятельность неимоверно субъективна. Разумеется, мы способны соглашаться или нет с тем, что прозвучало, но вряд ли кто-то будет спорить с тем, что при каком-то альтернативном раскладе вышло бы не то же самое. В литературе это обозначается, как зависимость от преодолённого пути, и чуть не всё вносит свою лепту в то, что появится – как с домино. Опять же если кто-то проигнорирует свои позывы и устремления, а то и банально поколеблется, то мы навсегда потеряем потенциальный шедевр – или что-нибудь хуже, но тоже важное. Чуть ли не всё на свете имеет значение, и скопировать обстоятельства не представляет возможным, как бы кто ни старался и что бы в этой связи ни предпринималось.

Вопрос, как следствие, не только в таланте, но и в особой точке зрения, которая формируется под давлением незаурядных причин. Как и с эффектом бабочки нам неизвестно, что и как скажется на конечном результате, но то, что это случится, не вызывает никакого сомнения. Всё играет свою роль, ничего не стоит сбрасывать со счетов, но есть ещё один момент, без которого тоже всё бы пошло прахом.

Если обобщать, то многие из нас оказываются если и не в идентичных условиях, то в чудовищно одинаковых. Эпоха, *Zeitgeist*, мода, дискурс эры, страна, регион, культура, актуальные проблемы, а то и одни и те же социальные роли, локации, возраст, пол, национальность, воспитание, религия и т.п., всё это объединяет нас, и оттого мы часто чуть ли не тождественны друг другу по целому кругу тем, если и не по всем – но точно по основным. Требуется и смелость, и сноровка, и свой взгляд для того, чтобы увидеть то, что всем остальным недоступно или же ускользало от них, а это даётся лишь тем, кто смотрит не как все прочие.

Сложно сказать, откуда это берётся. Как и с красотой, истина – или то, что воспринимается в таком качестве – в глазах наблюдателя точнее того, кто её распознаёт как таковую, а затем преподносит на бумаге, и никто иной то же самое не зафиксирует, тем более так, как это сделает пионер. Потом это превратится в расхожее место или клише, но умение подмечать и формулировать уникально, и оно принадлежит этому конкретному человеку, который и производит то, что он или она считают нужным.

При этом следует особо указать на то, что отточенный взор и дар выражать – это не одно и то же. Какой бы сильной ни была мысль, она нуждается в красивой и удобоваримой упаковке, а если её нет, то лучше передоверить роль вестника и оракула кому-то ещё. Понятно, что это не совсем честно по отношению к первооткрывателю, но, как правило, люди, не умеющие писать, к этому и не приступают – если опять же они достаточно честны с самими собой, это верный признак нормальной самооценки и действительного таланта – что позволяет всем нам наслаждаться и слогом, и наполнением. Но как быть с тем гипотетическим сценарием, который был предложен выше? Если рукописи горят, то иногда это случается, и мы ничего не приобретаем от сколь угодно прекрасных и великолепных слов и идей. Что тогда?

Далеко не все подвиги приводят к наградам, медалям и грамотам. Если мы – естественно, коллективные, а не конкретные, т.е. как целое – чувствуем героя, то это, безусловно, хорошо, потому что во многом это говорит о нас, а не о них, и было бы здорово – с обоими ударами – если бы это приключалось чаще, а то и всякий раз, когда совершено нечто заслуживающее похвалы или какого-нибудь знака отличия. К сожалению, но на наш мир не распространяется понятие справедливости – оно также внеположено ему, как и польза к философии – и мы фиксируем прискорбно мало, что, к счастью, не транслируется в пренебрежение и невнимательность, и волшебство всё-таки случается. Стоит ли при таком раскладе надеяться или же призвание – это нечто большее, чем какие бы то ни было регалии?

Признание, особенно если оно заслуженное – это всегда изумительно и восхитительно. Чем чаще и точнее мы попадаем в цель, тем лучше наше общество, но это ни в коем разе нельзя путать с тем, к чему отдельных из нас влечёт в силу самой их органики. Вероятно, их успех и помог бы им творить, а то и целиком себя этому посвятить, но рациональное – или любое иное – оправдание для них не в этом, и оттого для них эта занятость сама по себе ни с чем не сравнима. Но выигрывают ли от этого все остальные?

И да, и нет. Загвоздка в том, что для нас нет разницы между настоящим и вынужденным молчанием автора. Если нам что-то неизвестно, мы приравниваем это к отсутствию как таковому, и это помимо того, что оно откровенно дискредитирует нас, выливается в невыразительность ландшафта, в котором мы все обитаем. Разумеется, мы вправе лелеять в себе чувство какой-то сопричастности к чему-то действительно высокому, предполагая, что оно имеет место быть, но это никак не меняет эту реальность, а только населяет её фантомами и призраками, которые вовсе не обязательно таковы, какими мы их воображаем – если вообще там есть.

С другой стороны, выгода от такой деятельности сама по себе небесспорна. Стали бы мы лучше или хуже, если бы всё-таки получили так и неузнанное – это большой вопрос, и он не решается задним числом. История не знает сослагательного наклонения, и мы обнаруживаем себя в той реальности, которая нам известна, и нет никакой нужды фантазировать по поводу того, что было бы, если всё сложилось иначе – слегка или серьёзно. Тем не менее, с сугубо психологической точки зрения нам тяжелее терять, чем недополучать, и потому мы столь спокойны по поводу потенциального. Но что нам всё-таки в этих безымянных творцах?

В отличие от подвига, каким бы непризнанным он ни был, тут нет какой-то выгоды за исключением тех, кто занят им на невидимом фронте, пусть и удовлетворяя свои страсти и прихоти к чему-то запредельному. Культура ничего не приобретает, но и не проигрывает, и если и не складывается положительная сумма – как в системном анализе –

то и отрицательной она от этого не становится. Как бы то ни было, но нераспознавание – и наличие художника – налицо, и это надо как-то объяснить.

Если в этом и есть какой-то барыш, то лишь в смысле посвящения себя заинтересованными тому, что по-настоящему их задевает и трогает. Не то что, чтобы в противном случае они обратились бы к чему-то предосудительному и порицаемому, и оттого хорошо, что имеется такая отдушина, какой бы незримой для всех остальных она ни была, но замечательно то, что они в принципе реализуются более полно и удачно, чем если бы её не было вовсе. Мы все удовлетворяем свои пунктики, и этот наиболее безобидный из всех – а потенциально и желанный – и оттого мы все приобретаем, а не теряем, какой бы малой эта прибыль ни была.

Впрочем, и с признанными произведениями не всё так просто. Даже если мы их знаем и ценим, это не транслируется в какие-то плюсы, и по большей части всё остаётся таким, каким было прежде. Подавляющее большинство обычно и вовсе не осведомлено о том, что было когда-то написано для него и о нём, а это явно не добавляет в копилку полезности философии. Неужели всё это было зря?

Возьмём знаменитый пример. Звёздное небо и нравственный закон. Если кто-то и не знает автора и точной формулировки или хотя бы контекста и общего посыла, то многие слышали о чём-то подобном, и это вроде бы свидетельствует о том, что данное прозрение – если это оно – необходимо было получить всем нам. Не будем обсуждать, верно ли то изречение – и вся работа – или нет, но спросим себя вот о чём. А что мы стяжали от этой фразы и от всей книги?

Критика практического разума И. Канта – это, бесспорно, великое произведение. Скорее всего оно повлияло не на одно поколение, что с ним знакомились, а категорический императив занимает некоторые умы и сегодня, но давайте постараемся быть честными. Если бы никто этого не написал, то пострадали бы почти исключительно такие же философы, как и этот, а все остальные продолжили бы руководствоваться той моралью, которая встречается в том или ином обществе. И снова, нет никакого прока в том, чтобы опровергать или подтверждать его открытия – если они таковы – но история и так предельно ясна, именно пользы от этой работы не было никакой – или она была столь скромной, что ею можно и пренебречь.

В этой связи интересно то, что этот философ куда более ценен в математике – правда лишь тем, что жил в этом городе – и астрофизике. Оставляя за скобками в том числе и им созданную теорию формирования солнечной системы – ведь тогда он принадлежит к учёным, а не к любителям мудрости – он бродил по мостам Кёнигсберга, что привело к обнаружению – до него – прекрасной задачи, которую впоследствии решил Л. Эйлер. Конечно, никакого отношения он к ней не имел, но это всё, что он привнёс в наши жизни, пусть и опосредованно.

Если не брать в расчёт то, что все эти произведения – как знаменитые, так и нет – порой становятся бестселлерами и активно обсуждаются, то прока от них не больше – а по умолчанию намного меньше – чем от любых художественных. Это довольно своеобразная литература, и не все склонны к тому, чтобы в неё погружаться, а потому и её влияние на наше бытие минимально, если оно вообще фиксируется. Никто не отрицает того, что это порой выливается в признание какого-то мыслителя, но если быть добросовестными, то их роль в нашей групповой судьбе стремится к нулю. Если же что-то она и трансформирует, то это случается редко, да и то крайне сложно точно определить, она ли тому виной или что-то ещё. В конце концов, это только слова, сколь бы критичными они для нас ни были.

Никто не спорит с тем, что часто они ранят сильнее, чем что бы то ни было, и оказывают такое воздействие, которое не идёт в сравнение ни с каким иным. Проблема, однако, в том, что не совсем понятно, были ли это они или что-то иное – что куда-то нас привело – а если нечто и в таком качестве очевидно, то это лишь видимость, постулируемые нами причинно-следственные связи, а не сама действительность. Мир – и разум человека –

кратно комплекснее подобных сцеплений, и это надо иметь в виду, когда мы хотим оценить все эти работы – и не упускать того, что мыслители редко что-то значат.

Кроме того, нельзя забывать о том, что этот эффект бывает и вредным. Опасные и уничижительные идеологии и мировоззрения – это наиболее яркий пример, но список ими не ограничивается. Хорошее усваивается также легко, как и плохое, но и здесь не всё так однозначно, как это обычно представляется. Мы прекрасно знаем о том, что прямых сопряжений тут нет, да и вообще подобные рассуждения избыточно абстрактны для практического руководства, что веса им не добавляет.

Всё это говорит о том, что вне своей системы координат, философия является вещью-в-себе – т.е. в строгом соответствии о том, что писал И. Кант. Если отказаться от её же собственных внутренних критериев, то от неё почти ничего не остается, причём совершенно неважно, востребованы ли те или иные идеи или нет. Наша жизнь вряд ли укладывается пусть и в столь широкие рамки, а если как-то и объясняется ими, то максимально абстрактно, что не годится для более приземлённых целей и задач, которыми мы все озабочены. Она существует для того, чтобы удовлетворять, по сути, частный интерес, а если и попадает в плоскость какой-то потребности, то сугубо как развлечение. Если же какой-то толк от неё есть, то он неопределён и преходящ, что несколько не удивительно, учитывая её природу.

В этом смысле она не полезна, но и не вредна. Если она что-то и приносит, то это с трудом умещается в столь узкий диапазон, но в остальном она просто есть, и это всё, что о ней можно сказать в терминах прока или его антонима. Если кому-то нравится заниматься ею или читать результаты рассуждений первых, то это голый факт, за которым ничего не стоит. Сколь бы ни была ценна её истина, она не преобразует этот мир, как и не меняет что-то в нас самих, и это подталкивает нас к тому, что же она актуально с нами делает.

На сегодняшний момент учёные отыскали шесть типов кварков – и очень поэтично их назвали. Это не хорошо и не плохо, и именно так к этому и нужно относиться, но в том и дело, что это знание не имеет никакой аксиологической, эпистемологической, онтологической, феноменологической, нагрузки – а если она там и присутствует, то в крайне скромных количествах. В отличие от этого в философии почти не бывает нейтральных сведений, и все они обладают некоторым весом в указанных областях, что пусть и никак не отражается на реальности, многое переставляет в нашем взгляде на неё. И это не противоречие с только что сказанным.

Загвоздка в том, что она не управляет нашим поведением, но накладывает отпечаток на то, как мы воспринимаем этот мир. Вмешательство в наши поступки предпринимается со стороны религии, культуры, общества, пропаганды, но она на это не способна – или в очень лимитированной манере. Это некая картина, своеобразное зеркало действительности, и всё, что она в состоянии нам дать – это данное полотно, которое можно рассматривать, но не трансформировать – что и роднит её с наукой. Конечно, не исключены вторжения и в сферу должного – ожидаемого, желанного, высокого, идеального и т.д. – но они описываются, а не постулируются или назначаются, а это огромная разница.

Представим себе, что мы выясняем, будто человек, скажем зол по самой своей натуре. Никто не отрицает того, что это та информация, которая и спасает нас, и от чего-то оберегает – а то и помогает что-то приобрести – но соль в том, что она никак не влияет на сам свой объект. Люди и впредь продолжают быть такими, а если мы и хотим их переделать, то надо обращаться к каким-то практическим техникам, которых у исповедующих рефлексию банально нет и никогда не было. Те лишь служат амальгамой и не более того, а всё прочее – это уже не в их компетенции.

Что же тогда происходит? Ровным счётом ничего. Да, теперь нам известно, что представители нашего вида не такие, какими бы мы предпочли их наблюдать, но это и всё. Ни перевоспитать, ни преобразить, ни что-то предпринять в этой связи мы не в состоянии и потому вынуждены мириться с тем, что мы обнаружили. Усугубляется это тем, что

центральное место в ней занимает сомнение, а это не добавляет нам уверенности в чём бы то ни было. Но что же из этого вытекает и как сказывается на тех, кто ею занят, да и на всех нас тоже?

Даже если у неё и есть некоторый прогностический потенциал, он весьма скромнен и распространяется на наиболее общие наши черты и выискиваемые тенденции, а не на ближайшую перспективу, которая больше всего нам интересна. Те же её области, которые вроде бы изучают что-то непосредственное – вроде этики или эстетики – также не особо приложимы к повседневности по той же причине, и оттого не слишком в ней и ценны. Какие бы отрасли её знания мы ни взяли, всюду будет нечто подобное, что ясно свидетельствует о том, что никакого явного влияния она на всех нас не оказывает, да и не способна на это. Но неужели всё проходит бесследно? Не всё так безнадежно, как диктует нам первое впечатление, но её воздействие крайне далеко от благотворного и успокаивающего, а ближе к фрустрирующему и пугающему. Что же она с нами творит? Но прежде чем отвечать на этот вопрос одно предостережение.

Разумеется, никто не запрещает философам исследовать то, что им хочется, теми методами, которые практикуются в данной дисциплине – и на которых она базируется и к которым нередко сводится. Краеугольный из них – это подозрение, что всё не так, как представляется, и это главный камень преткновения, который для отдельных тем непреодолим. Как бы это ни выглядело странно и парадоксально, но в ней существует запрет – если, конечно, мы достаточно честны и последовательны – на некоторые сюжеты, но не из-за того, что те не поддаются рассмотрению её инструментарием, а в силу того, что они им уничтожаются на корню.

К сожалению, но это не всегда осознаётся. Скажем, мы можем препарировать религию как некое социальное явление, и от этого она никуда не исчезнет, но если то же самое мы провернём с богом, то он испарится, не выдержав проверки на неопределённость в его наличии. Если постулировать это проще, то в ней нет, не было и не должно быть никаких аксиом и догматов, а если те в ней возникают, то либо она покидает нас, либо данный предмет, каким бы дорогим он для нас ни был.

Это ни в коем случае не утверждение о бытии кого бы то и чего бы то ни было, и здесь очень важно уловить суть вопроса. Как раз если мы нечто заявляем, то мы мгновенно утрачиваем право на рефлексию, которая и состоит в том, чтобы ничего такого не предпринимать, как бы нам того ни хотелось. Её центральная ось – это именно нерешительность, и исповедующим её надлежит отстаивать это колебание, а не то, на что оно направлено.

Это и рознит её с тем же искусством или мировоззрением. Если в ней и присутствует некая вера, то только в данный принцип, а все священные коровы для неё совершенно бессмысленны, а то и вовсе вредны. Если что-то в ней безукоризненно – в идеале, естественно – и соблюдается, то это он, а если то, на что он нацелен, не выдерживает апробации, то это отбрасывается без какого-либо сожаления.

Никто не станет спорить с тем, что порой это заводит нас в чудовищные дебри, из которых нельзя выбраться. Реальность, созданная пять минут назад, чудовищный солипсизм, некая калька с матрицы, в которой мы все пребываем, и прочие подобные ментальные упражнения никак не фальсифицируются, но и не верифицируются, но в том и вся прелесть, что их узаконивание как таковое запрещено. Это просто идеи и ничего более, но сомнения они при этом не избегают, а столь же яростно им подавляются, как и всё остальное.

Сложно судить, насколько этот приём универсален, но он точно многофункционален для человека. С его помощью мы отсекаем очевидный и не очень нонсенс, и это позволяет нам обращать наше внимание на нечто релевантное, а не на разного рода выдумки, которые бы как раз и завели нас в тупик. Напротив, нерешительность и есть наша прививка или вакцина от всякой доктрины, и пусть это спасает не всех, она предотвращает нас от неумных шагов, которыми, увы, полна наша история.

Всё это критично потому, что мы никогда не достигаем удовлетворённости от результатов своей когнитивной активности. Если сохраняется некая растерянность, то её надо снимать, но сам характер деятельности в философии не позволяет нам останавливаться на достигнутом, а это порождает бесконечное – и ничем не снимаемое – разочарование как в том, во что мы вовлечены, так и в том, что мы обнаруживаем. Картина не бывает полной априори, но одновременно с этим она рисует нам нечто незаконченное и в этой связи неудовлетворительное, что не имеет никаких шансов на то, чтобы однажды быть решённым. В этом плане все специалисты в ней похожи на Сизифа, ведь есть лишь гарантия того, что придётся начинать всё сызнова, и это касается как самого полотна, так и главного – или их совокупность – объекта. Какие чувства это вызывает?

Во-первых, потерянности и смущение. Никто не отрицает того, что это свойственно любой науке. Если мы принимаем концепции К. Поппера и Т. Куна, то каждый раз мы обладаем ложным взглядом на мир и при этом никогда не придём в истинному, ведь тот всё время маячит на горизонте, но не бьётся у нас в руках. Надо тяжело работать, чтобы хотя бы подсмотреть украдкой за правильным без какой-либо надежды на то, чтобы когда-нибудь его ухватить.

Загвоздка, однако, в том, что в философии не может быть согласия относительно даже базовых положений – за изъятием самого метода познания, разумеется. Как уже отмечалось, занятие ею, как и его результаты – это глубоко личное предприятие, и потому компромисс достигается лишь по поводу процедур добычи знания, а не касательно его самого. Из этого выливается жуткое одиночество настоящего мыслителя – он или она уникальны по самой своей природе – которое ничем и никак не преодолевается. Покинутость и заброшенность – это натуральное их состояние, которое чрезвычайно проблематично выносить и принимать – но в том и неудобство, что оно возникает автоматически, а не по доброй воле.

Как подчёркивалось выше, только конкретный человек способен прийти к какой-то определённой позиции. Если кто-то и может повторить его или её путь, то его итоги окажутся иными – в частности или в общем – а это неизбежно превращает любителей мудрости в отшельников – как буквальных, так, что нисколько не изумляет, настоящих, а то и в изгнанников, что тоже не редкость. Даже если и складываются какие-то школы и направления, то они чрезвычайно далеки от таких же в физике, и эта изоляция сохраняется, что бы мы ни предпринимали и как бы с ней ни боролись.

В этом свете посвящение себя ей – это акт самопожертвования во имя чего-то в высшей степени эфемерного – и которое ничем не окупается. В какой-то мере это напоминает напутствие из русских сказок о дороге в неизвестное с попыткой отыскать знакомое, но именно так всё и обстоит. Если что-то и отыскивается, но несколько непонятно, что с ним делать, но это единственное, на что стоит надеяться при поступлении в эти ряды. Странник априори бредёт дикарём или в сопровождении немногих, и ничем это исправить нельзя, как бы кто ни старался.

Печально в этом и то, что никаких ни маршрутов, ни директив, ни инструкций, ни правил, ни норм, ни направлений нет. В отличие от всех прочих наук философия максимально свободна в том, что и как совершать её практикантам, но это же и превращает её во что-то пусть и интересное, но заодно опасное и неожиданное. По большому счёту мы все боимся неопределённости, но она есть плоть и кровь всего этого повествования, кем бы и как оно ни велось, что и прибавляет ей привлекательности, но и вместе с тем лишает какой бы то ни было надежды на успех.

Последний, кстати, и вовсе никак не обозначен. Конечно, все учёные сталкиваются с этим – и радуются, когда удаётся выяснить нечто, что не предполагалось – но они по преимуществу – если только они не опровергают господствующую парадигму – играют на частично исследованном поле, а если и покидают его, то не без поддержки, но будучи вооружёнными своими предшественниками. Никого не бросают на произвол судьбы, но, наоборот, всячески ассистируют, чтобы чего не вышло.

Это разительно контрастирует с тем, что наблюдается в философии. По сути, всякий раз надо начинать с чистого листа, ведь никто и ни за что не преодолеет единственную для каждого тропу – т.е. необходимо справляться самостоятельно – но в этих землях легко заблудиться и потеряться – что постоянно и приключается, вообще это нормально. Отсюда бесчисленное количество ошибок и заблуждений, но также и отсутствие какой-то изученной территории, ведь её не может быть в принципе, ни созданной заново, ни возвращенной усилиями многих.

Всё это замечательно, но и параллельно отвратительно. Прекрасно это тем, что и по прошествии веков, скажем, тот же Сократ актуален и злободневен – стоит только вообразить себе, что то же самое было бы с Птолемеем или с Галеном – но это и ужасно, потому что никакого прогресса здесь не наблюдается. Люди вынуждены повторять одно и то же бесконечное количество раз, а это не самый удачный рецепт для победы – или хотя бы для избегания поражения.

Во-вторых, отстранённость от этого мира. Отчуждение, о котором говорил К. Маркс, здесь работает в режиме по умолчанию, ведь нельзя рефлексировать и быть включённым – нужна дистанция и холодность – а, кроме того, невозможно вернуться обратно после того, как он покинут. Хотя некоторым и удавалось возвратиться, но это осуществимо лишь при оставлении самой философии, а внутри неё – это нереально.

Неслучайно в этой связи то, что мыслителей часто изгоняли и преследовали, чувствуя, что с ними что-то не в порядке и что они не совсем обычны – и, хуже того, нелояльны наличной системе в любом смысле. Даже если никто и не показывал этого открыто, сам характер этой деятельности заставлял сторониться окружающих тех, кто в неё был вовлечён – и это было обоюдно – что никак не способствовало ни признанию, ни включению, ни адаптации выбравших этот путь в большое общество.

Не стоит смешивать этот пункт с одиночеством. Те, кто предпочитает дистанцироваться, совершают это сознательно и с помощью тех инструментов, которые им предоставляет культура, но в том и дело, что любители мудрости обнаруживают себя не на обочине или периферии социума, а в самой его гуще, но при этом тотально ему не комплементарны – не конгениальны. Они лучше всех понимают, что творится, а порой и как, но это не позволяет им стать органичной частью этого целого. Напротив, как видится, это тому и препятствует, что и оборачивается их устранением из единой картины.

Если сравнить это с прочими профессионалами, то получится вот что. Медик непременно заметит болезнь, биолог – вид, а физик – материю, но в том и загвоздка, что философ смотрит на человека, однако сквозь него или неё. Он никогда не забывает о том, с кем он делит этот свет, но при этом живых людей в его полотне нет, но исключительно персонажи и их роли. Если они и не абстрактные – но так и должно быть – то чрезвычайно картонные, а это не помогает быть с ними вместе.

То же самое и с любым иным предметом их интереса. Сама природа исповедуемого ими взгляда склоняет их к тому, чтобы диссоциироваться со всем и вся и наблюдать за всем как будто снаружи, а не изнутри, и это разрывает их пополам из-за того, что покинуть эту реальности они не в состоянии, но при этом только этим они и заняты. Т.е. их колокольня сугубо ментальная – даже не метафорическая – но это не поднимает их над землёй, а заставляет их проваливаться вниз – или иносказательно падать вверх.

И эту трещину – если не бездну – они всё время носят в себе. Ничто не способно их затронуть, порадовать, опечалить, разгневать, развеселить, огорчить и т.д. – если только не лично – потому что они не столько над этим, сколько вне этого. Их собственное тело – это досадное недоразумение, которое по каким-то нелепым причинам похоже на все прочие одушевлённые плоти рядом с ними, а то, что оно ещё и нечто требует – это чудовищно и дико. Не то чтобы так не должно было быть, но это странно и раздражает.

И это ни в коем случае не нейтралитет. В философии нет никакого деления на наших и чужих, моё и твоё, высокое и низкое и т.п. Всё это элементы одной картины, однородные по своим виду и консистенции. Проблема в том, что больше никто так не видит, но

однажды обнаружив это чрезвычайно сложно игнорировать, не говоря уже о том, чтобы как-то сообразовывать с этим свои поступки. Отсюда и дилемма принадлежности и отчуждённости, ведь примирить эти воззрения вряд ли кому-то под силу.

Не стоит путать такое бытие с параллельными вселенными. Мыслители принадлежат этой действительности и никакой другой, но в том и неувязка, что они из неё регулярно выпадают, но при этом нигде не задерживаются. Это своеобразный затяжной прыжок в пустоту и неизвестность, у которого нет никакого пункта назначения вследствие того, что нет и самого дна, на которое можно было пусть и больно, но всё-таки рухнуть, наконец, достигнув его. Невесомость – это то, к чему мы не адаптированы ни эволюционно, ни физиологически, ни психологически – что, пожалуй, наиболее критично – но именно это и практикуют любители мудрости.

На самом деле нет внятных и прозрачных аналогий для того, чтобы провести сравнение с этим состоянием. Ясно лишь одно. Оно переживается крайне болезненно и тяжело, и ничто не в состоянии из него вывести пока проповедуются соответствующие паттерны познания и отношения. Это некий иной тип функционирования сознания, которое настроено на то, чтобы искать максимально общее и при этом не находить в нём себя – или же растворяться в нём без следа – и всё это в контексте сомнения во всём подряд.

И, в-третьих. Неудовлетворителен и тот пейзаж, который расстилается перед когнитивным взором при использовании данного подхода. В отличие от религий философия не верит и не постулирует спасения, и оттого более чем ожидаемо, что его не отыскивает и не устанавливает. Рай и ад для неё создают люди, но загвоздка в том, что этот мир скорее напоминает второй, чем первый, и на то есть веские причины.

Самое большое неудобство – или досада – в том, что ничего нельзя исправить. С одной стороны, не совсем понятно, а что же конкретно нуждается в улучшении – и всё это не ответ – с другой – как именно это делать. Как указывалось выше, она не даёт и не содержит рецептов чего бы то ни было, но при этом неизменно обнаруживает тотально разочаровывающее полотно, которому не быть таким, каким бы мы хотели его видеть.

Не надо думать, будто это вызывает настоящее негодование. Вообще все чувства и эмоции, которые провоцирует эта реальность, для настоящего мыслителя носят столь же отстранённый характер, что и всё остальное, но все они, однако, не принадлежат к положительному спектру, скорее, наоборот, тяготеют почти исключительно к негативному. И это в них самое интересное – и неприятное тоже.

Соль в том, что наши недостатки гораздо рельефнее наших достоинств, которые к тому же не столь и очевидны, как это кажется человеку с улицы. Для того, чтобы найти нечто негативное, не надо особо стараться, но для отыскания позитивного требуется приложить некоторые – и немалые – силы, и нет никакой гарантии того, что мы его встретим. Суть в том, что сомнение гораздо хуже сказывается именно на добре, чем на зле, тем более принимая во внимание то, что они относительны. Всё это печально в том плане, что мы привыкли считать себя чем-то возвышенным, но по факту мы скорее демоны, чем ангелы. Ровно то же самое касается и всего прочего. Постыдная и голая правда жизни не заставляет себя долго ждать, и это вызывает если и не злость, то недоумение и разочарование. В отличие от того, что даёт нам какое-нибудь художественное произведение, эти состояния перманентны и крепки, а не мимолётны и легки – и действуют они не на душу, а на интеллект, а там отпечаток отчётливее и ярче – и это ещё больше обостряет и накаляет их без надежды на ослабление. В итоге они никуда не деваются и ничем не лечатся, но, напротив, кристаллизуются и проясняются, что не добавляет им притягательности и шарма.

Это похоже на введение в искусственную кому, но с полным осознанием того, что творится вокруг и вообще – со всеми и с каждым по отдельности. Т.е. мы неподвижны и ничего предпринять не способны, и это при чистом рассудке и доброй памяти, но это никого и ничего не останавливает от того, чтобы совершать гадости и подлости, в том числе и по отношению к нам. Это добровольное изгнание позволяет понять, что имеет

место быть, но это довольно дорого стоит, а если чем-то и компенсируется, то самими мыслями, которые, впрочем, далеки от радостных.

Загвоздка в том, что это никому не интересно и никому не мешает и дальше делать то, что бы они совершали и без погружения нашего в бездну и принятия её в себе. Самоустранение – это не решение каких бы то ни было вопросов, но их формулировка, которая не отражается на том, во что мы погружены – как и не предоставляет ответы, сколь бы поверхностными или, наоборот, глубокими они ни были. Действие принадлежит этому миру, а не той завесе, за которой кроется этот кошмар, и это не может не расстраивать.

Наверное, самое удачное для этого слово – это отчаяние. Как бы и сколько бы мы ни заламывали себе руки, что бы ни советовали и ни говорили, какие бы прекрасные книги ни писали и как бы громок ни был наш голос, всё впустую. Ничего изменить нельзя, и всё продолжится в том же духе, и на это никто не в состоянии повлиять, но лишь зафиксировать данное неудовлетворительное положение вещей. Быть соглядатаем – это и есть та работа, которой заняты философы, и больше им никто и ничто и не позволяет.

Всё это свидетельствует о том, что она тщетна и бесплодна, но только в тех терминах, которые применяются ко всему остальному. Если её и мерить, то каким-то своим аршином, однако тот даёт почти исключительно боль и страдание. По всей видимости в том её и удел, и предназначение, и эта та правда о ней, которую сложно опровергнуть. Посвящать себя ей – это обрекать себя, но чего-то иного в ней и не представлено.

Это поднимает последний вопрос, а именно, зачем тогда себя так мучить? Если она столь жестоко и жёстко обращается со своими адептами, то к чему с ней связываться? На свете есть много других видов деятельности, которые куда более приятны, а самоистязание привлекательно лишь для мазохистов, и человек думающий явно должен избегать подобного. Тем не менее, это вряд ли кого-то останавливает, и испытания продолжаются.

Дело в том, что никто это и не выбирает. Первобытный или экзистенциальный ужас – это естественное следствие взгляда за завесу неведения и разворачивающийся за ней пейзаж, и он в какой-то степени притягателен также, как и бездна Ф. Ницше. Просто всё обстоит так и никак по-другому, да и переживается он интеллектуально, а не психикой. Если какой-то страх и присутствует, то он вполне объясним, но при этом столь же неизбежен.

Если кто-то чувствует в себе призвание, то он или она соглашаются на весь тот дискомфорт, который ему сопутствует, а в противном случае смиряется с тем, что более приземлённо и обыденно. Все прочие банально не поймут и не дойдут до этих бездонных глубин и будут довольствоваться самым тривиальным, но им и не суждено было познать всю катастрофичность бытия.

Смысл этих терзаний не в них самих и не в том, что они обязательны, но в том, что у них его и нет. Это побочный, хотя и критичный продукт настоящей рефлексии, и важны не они, но стремление познать. Мы не склоняемся в пользу какой-то одной альтернативы, но принимаем то, что предстаёт нашему взору, и оно не может не пугать нас. Пусть шок и стимулирует, но он вторичен, а главное в самом желании открыть перспективу, какой бы она ни оказалась.

Становимся ли мы от испытаний крепче – злее, устойчивее, слабее и т.д. – неизвестно, но они всегда настигают нас, что бы мы ни делали, потому что безнаказанно ничего не бывает. Философия в этом плане являет собой предел нашего интеллектуального усилия и оттого максимально бьёт нас на этом поле – и в самую больную точку – но без неё мы бы не были в курсе, что такое истинный страх существования. Нужно нам это или нет – это не то соображение, которое должно нас волновать, но само это знание прекрасно, как бы тяжело оно нам ни доставалось. И это достаточное основание, чтобы не успокаиваться и трепетать дальше.